

Рубан А.А.,
кандидат филологических наук,
Славянский государственный
педагогический университет

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ИЗОБРАЖЕНИИ РЕБЕНКА В ЛИТЕРАТУРЕ “РУБЕЖА ВЕКОВ”

“Будущее человечество” – так называет детей один из героев Достоевского. То, каким может предстать завтра это “будущее человечество”, во многом зависит от нашей духовно зрелой любви к детям, основанной на понимании своеобразия их внутреннего мира и – как ни покажется подобное утверждение странным – на способности чему-то научиться у них. Об этой способности, являющейся насущной необходимостью самосовершенствования человека, задумывались русские писатели XIX века: А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский.

Однако на “рубеже веков” концепция человека приобретает совершенно иные характеристики. Это герой кризисного сознания, всецело зависящий от не только действительности, но и от Судьбы (Рока): он ничтожен, мелок, он серый обыватель, равнодушный созерцатель жизни. Если Л. Толстой считал возможным не только полное “воскресение” личности, но и преобразование антигуманного мира, то уже Гаршин, Короленко, Чехов, Андреев были более осторожны. Не предлагая “рецептов” лечения перевернувшегося века, они оставляли своих героев и читателей “перед вопросом”.

Чтобы в полной мере уяснить и уточнить существующую сегодня в литературоведении концепцию мира и человека конца XIX – начала XX вв., мы обращаемся к истокам любой личности – ее детству, т.е. рассматриваем изображение детской темы в творчестве писателей “переходного” мышления (Короленко, Чехова, Куприна, Андреева) [5], уточняя при этом особенности изображения детей в русской классической литературе.

В современном литературоведении нет достаточно полного исследования по указанной теме. Сложные проблемы возникают в связи с именами писателей, принадлежащих к “промежуточным” явлениям “двойственной эстетической природы” – Короленко, Чехова, Андреева. Детская тема в их творчестве исследовалась, но только в связи с традицией русского реализма (Г.А. Бялый, Е.В. Душечкина, Л.А. Иезуитова, Н.В. Капустин и др.). Но появляющиеся в последнее время работы (они немногочисленны и, как правило, посвящены только одному автору) свидетельствуют не только о продолжении традиций (В.Я. Гречнев, Н.Л. Мещерякова, П.И. Негретов и др.), но и их переосмыслению (Х. Баран, Н.М. Гришина, О.Н. Калениченко, И.И. Московкина и др.).

Начнем свое исследование с творчества А.П. Чехова. В ранней прозе писателя (юмористических рассказах и водевилях) торжествуют обычные

законы жизни, где пошлость, наглость и грубость пожирают живого человека. Иная жизнь с иными нормами и мерками, противостоящими обывательскому существованию, разворачивается перед читателем в рассказах Чехова о детях. Это другая форма противостояния привычным и узаконенным представлениям и порядкам. Здесь может существовать особый, четырехугольный мир, в котором мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, где появляются загадочные существа вроде исчезающей тени, а папа – это не пошлый “папаша” из одноименного рассказа Чехова, а тоже загадочный человек (“Гриша”). Освещая мир светом детского сознания, Чехов преображает его, делая милым, веселым, забавным и чистым.

Иногда в детских рассказах Чехова привычный мир становится странным, непонятым, ненатуральным. Маленький герой рассказа “Кухарка женится” смотрит, как происходит сватовство, и ничего не понимает; на все совершающееся перед его глазами он смотрит, как существо с другой планеты, и люди начинают выглядеть, как манекены, производящие непонятные действия, которые почему-то никого не удивляют. Удивляются только ребенок и автор: “Опять задача для Гриши: жила Пелагея на воле, как хотела, не отдавая никому отчета, и вдруг, ни с того ни с сего явился какой-то чужой, который откуда-то получил право на ее поведение и собственность!” [7, 139].

В этом удивлении, в этой высокой наивности заключена разрушительная сила. Человек удивленный стоит или ставит себя вне этого порядка, который это удивление вызывает. *Удивляются дети, мудрецы и отрицатели.* Либеральные публицисты не удивляются, они понимают и объясняют.

В рассказе “Детвора” дети играют в азартную игру на деньги, но только один из них, мальчик девяти лет, отдает дань “финансовым соображениям”, остальные же ценят деньги не знают, для них это только условие игры, копейка для них ценнее рубля, и это их непонимание чисто и мудро. Зато гимназист пятого класса все понимает, он знает также, что детям нельзя давать денег, и вид у него заспанный и разочарованный. Он мог бы испортить веселую игру, но это ему не удалось, потому что детей сморил сон и они улеглись на маминой постели. Автор желает им спокойной ночи, он с ними заодно, он вошел в их мир, ему нет дела до скучных педагогических догм и запретов, придуманных заспанными и разочарованными умниками.

Ребенок у Чехова повинуется течению собственных мыслей, своему внутреннему миру и образует этим замечательный контраст с чужими увещаниями. Детская радость и детское горе одинаково нашли у писателя мягкие и нежные краски, и, например, в “Степи” воспроизведена едва ли ни вся гамма детских ощущений. Главный герой повести Егорушка приближен к идеальному герою. Здесь просматривается толстовская традиция “детского взгляда на мир” как “естественного” и “чистого”, который необходимо беречь.

Если в классических формах реализма XIX века по преимуществу учитывался незамутненно-чистый, “детский взгляд на мир” и он противопоставлялся взрослому его видению, испорченному цивилизацией, общественной моралью, то у А.П. Чехова этого резкого противопоставления уже нет. Намеченная Чеховым традиция имеет выход в искусство XX века и органична для модернистского двоемирия. “Причастный тайнам” и заплакавший в церкви ребенок А. Блока (“Девушка пела в церковном хоре...”) – образ-продолжение Егорушки. Поэт завершил начатое Чеховым и перевел найденное им в новую систему оценок. “В стихотворении Блока ребенок соединил тайное (уже мистическое) знание о трагедии русских под Цусимой с реальной надеждой, прозвучавшей в пении девушки. Если развивать эту тему, то следует сказать, что в лирике А. Блока и символистов часто присутствует образ младенца как трагического посредника между двумя мирами. В стихотворении, посвященном Е.П. Иванову, которого сам А. Блок назвал “блаженным”, ребенок ассоциируется с образом названного поэта, он видит ужас двоемирия и не в силах предотвратить беды” [1, 179-180].

В произведениях Чехова смутное предчувствие любви овладевает детски сердцем, совершается таинственное пробуждение силы и страсти. Егорушка из “Степи” задавал себе неясные вопросы и думал, что мужчине, наверное, хорошо, если возле него постоянно живет ласковая, веселая и красивая женщина. Девочка Саша из “Мужиков” знает, что “в церкви Бог живет” и значит все обстоит благополучно. И “если они с Мотькой будут слушаться родителей и подавать нищим по копейке или бублику, то Бог сжалятся над ними и пустит их в рай” [6, 275]. В этом естественность и взрослость чеховского ребенка.

Чеховский ребенок доверчив к миру. Но доверчивость ребенка к жизни скоро начинает колебаться. С невыразимой печалью описывает Чехов то горькое недоумение, какое испытывает ребенок при столкновении с пошлостью и жестокостью взрослых людей, с трагизмом судьбы. “Нежные и пугливые, мягкие, как их бархатные куртки, они вырастают в отравленной среде и, выросши, пополняют собою провинциальную толпу человечества, безнадежно входят в мертвый чеховский город” [1, 42].

Жизнь виновата перед детьми. Отчаянье и ужас проникает в потревоженные души. На них дунула жизнь своей обыденностью, тем, что есть в ней зловещего. Как испуган “беглец” Пашка первую смертью, которую он увидел на соседней койке в больнице; как призывал “мамку”! Страшно в сарае маленькому Алеше ночью, когда в доме лежит барин-самоубийца; и просит он дела, чтоб забрал его в деревню, говорит, что Бог ему пошлет за это царствие небесное. В ответ на это дед зажигает фонарь, но свет не успокаивает ребенка.

Житейская пошлость не щадит детей. Дети у Чехова несчастны. Такова тринадцатилетняя убийца, девочка Варя, которая укачивает неспящего ребенка, а самой ей так “спать хочется”. Или несчастный

Ванька Жуков, со своим письмом к бабушке. Однако сквозь пелену страдания все-таки сквозит детская радость, детская шалость, удивление.

Благословение писателя с душой нежной и тоскующей может спасти ребенка и охранить его от пошлости и от несчастья. “Ангел-хранитель детей ведет их, сияющих и радостных от надежды, – но сам он имеет лицо печальное и задумчивое. Он знает, что до времени скрыто от них. Так и Чехов ведет за руку дитя улыбающееся, но сам он серьезен: он слишком знает мимолетность человеческой улыбки, даже на детских устах. И новейшая русская история, больше всего сделавшая детям, своею окровавленной колесницей переехавшая через них, трагически показала, что неисцелимой печалью своего сердца Чехов не искупил детей, совсем не открылась перед ними та тихая, нежная, сладкая жизнь. Жизнь – о которой они мечтали” [1, 46].

Во всех рассказах Л.Н. Андреева на детскую тематику прослеживается четкая тенденция: в начале произведения писатель, как правило, предпочитает знакомить читателя с чувством, настроениями и переживаниями героя, а также с тем, как относятся к нему окружающие, и лишь потом сообщает приметы его внешнего облика и какие-то фрагменты его биографии.

Так, происходит наше знакомство с Сашкой из “рождественской” новеллы “Ангелочек” – ребенком с трагической судьбой. Он несчастный, измученный ребенок. Измучен он ужасными домашними условиями существования, отношением грубой матери, которая злоупотребляет спиртным: “Где полуночицаешь, щенок?” – крикнула на него мать, замахнувшись кулаком, но не ударила. Рукава у нее были засучены, обнажая белые, толстые руки, и на безбровом, плоском лице выступали капли пота. Когда Сашка проходил мимо нее он почувствовал знакомый запах водки” [2, 158].

У Сашки не было настоящего детства, как у других детей. Он не видел материнской ласки, не чувствовал теплого домашнего очага, как другие дети. Читателю понятно, почему этот ребенок груб и жесток – жизнь его сделала таким: “Сашка обладал непокорной и смелой душой, он не мог спокойно отнестись ко злу и мстил жизни. Для этой цели он бил товарищей, грубил начальству, рвал учебники и целый день лгал то учителям, то матери, не лгал он только одному отцу” [2, 157], – тот тоже был несчастен и много страдал.

В эпизоде, когда все дети радовались, были счастливы, ожидая елки, “Сашка был угрюм и печален, – что-то нехорошее творилось в его маленьком изъязвленном сердце. Елка ослепила его своей красотой и крикливым, наглым блеском бесчисленных свечей, но она была чуждой ему, враждебной, как и столпившиеся вокруг нее чистенькие, красивые дети, ... у него есть отец, мать, свой дом, а выходит так, как будто ничего этого нет и ему некуда идти” [2, 162].

Именно поэтому Сашка и ненавидит детей, елку, ту радость и счастье, которые излучают глаза беззаботных детей, взрослых при виде

рождественской елки. Ему не мил праздник, ненавистна елка, так как для счастья в жизни Сашке не хватает очень-очень многого. А радоваться и веселиться на празднике ребенок может только тогда, когда он не страдает, у него есть любящие, ласковые родители, которые обеспечивают ему беззаботное, счастливое детство.

Когда ребенок увидел ангелочка на елке, он "... не сознавал, какая тайная сила влекла его к ангелочку, но чувствовал, что он всегда знал его и всегда любил, любил больше, чем перочинный ножичек, больше, чем отца, и больше, чем все остальное. Полный недоумения, тревоги, непонятого восторга, Сашка сложил руки у груди и шептал: – Милый... Милый ангелочек!" [2, 162].

Ангелочек был "бесконечно далек" от ребенка так, как далека от него счастливая жизнь. Сашка был счастлив несколько мгновений: когда крылышки ангелочка коснулись его рук, душа ребенка была готова взлететь от посетившего восторга, радости из-за появившейся надежды, надежды на лучшее будущее, на то, что жизнь изменится. Рассказ заканчивается сном ребенка, во время которого ангелочек тает так же, как расстанет с новым днем и надежда Сашки на лучшее будущее, ведь он только начинает жить: "Вот ангелочек восторжен, словно для полета, и упал с мягким стуком на горячие плиты..." [2, 168]. Подобное произойдет и в душе ребенка, когда он проснется.

Рассказ Л. Андреева "Гостинец" посвящен одной из ведущих проблем андреевского творчества – проблеме нравственного возрождения личности, проблеме ответственности человека за свои поступки. Герой рассказа Сазонка – человек слабый, легко поддающийся "темным желаниям" и порой не старающийся противостоять тому разрушающему началу, которое живет в каждом из нас.

При описании личности своего героя Андреев подчеркивает, что "Сазонка был солидным мастером и пьяницей" [2, 296]. Но данная характеристика дается после того, как Андреев рисует сцену прощания героя с ребенком, Сенистой, в которой Сазонка предстает перед нами как человек с большим, любящим, добрым сердцем, старающийся не обидеть Сенисту своим уходом: "Сазонке хотелось уйти, но он не знал, как это сделать без обиды для мальчика" [2, 295].

Одним из ключевых моментов рассказа является сцена игры мальчиков, раскрывающая особенности характера детей и Сазонки. Андреев через отношения мальчиков к известию Сазонки о больном Сенисте показывает, с одной стороны, черствость, холодность и равнодушие детей к человеческому горю, а с другой – как бы возвышает над этим миром, где царит жалкое и суетное представление о человеческом счастье, пьяницу Сазонку, снова накануне напившегося.

Когда Сазонка узнает о смерти Сенисты, раскаянье, осознание своей вины лежит в основе его душевного состояния. Внезапная смерть раскрыла ему глаза на его поступки, которые, в сущности, привели к тому, что Сениста умер в полном одиночестве и забвении. Сазонка всегда помнил о

гостинце для друга, но, тем не менее, не смог вырваться из-под власти кабака и облегчить предсмертные муки ребенка своим присутствием. И снова перед нами трагическая судьба ребенка – одинокого, никому не нужного, больного; ребенка, который еще не жил, но уже умер...

Потребность любить, сострадание, жалость к обиженным, поруганным; неистребимая тяга к светлому, чистому, жажда сопереживания, понимания и ответной любви – вот основные черты характера, которые присущи герою-ребенку из рассказа Л.Н. Андреева “Алеша-дурачок”.

Нелегко оказалось отстоять свою любовь к убогому Алеше герою-рассказчику. “С того дня я влюбился в Алешу. Нельзя дать другого названия тому чувству страстной нежности, какая охватывала меня при представлении его лица, улыбки. В классе на уроках, дома на постели я все думаю о нем, и мое детское сердце, еще не уставшее любить и страдать, сжималось от горячей жалости” [2, 58].

В рассказе трогательно описана горькая судьба больного ребенка Алеши, который в “холодный ноябрьский день был одет более чем полетному” [2, 52]. После знакомства с Алешей у героя-рассказчика возникла мысль: “С быстротой нерассуждающего детства я составил чудесный план помощи Алеше, имевший целью не только спасти его от холода, но обеспечить его будущность по меньшей мере на несколько десятков лет” [2, 53]. Именно это и отличает андреевского героя-ребенка от взрослых, которые всегда мыслят практично, долго думают прежде чем принять решение, взвешивают все “за” и “против”, стараются из всего получить какую-то выгоду.

В рассказе читатель наблюдает несколько трогательных моментов, когда герой дает Алеше деньги, а после пытается защитить его от злой, ненавистной хозяйки “кадетского корпуса”. Еще жалостнее выглядит Алеша в этой сцене: “В темном углу за печкой, на каком-то обрубке сидел Алеша. Обрубок был низок, и колена Алеши подходил к его подбородку. Длинные руки бессильно лежали на коленях. Я наклонился к Алеше и снова встретил молящий, полный тоски взгляд, и увидел ту же жалкую, просящую улыбку” [2, 56].

Андреев ярко раскрывает пороки общества в этой сцене, описывая “взрослых”, которые любят выпить, их пошлость, грубость, бездушие, безразличие к больным, убогим, обиженным судьбой. Немного по-другому, но в этом же аспекте представлен отец героя-ребенка, который категорически отказывается оставить Алешу у себя. Не смог расчувствовать, разжалобить мальчик, моливший всеми силами своей детской наивной души и горячего, полного любви к ближнему, сердца своего черствого, погрязшего в жизненном практицизме отца.

Совершенно особое место в ряду рассказов Л. Андреева занимает новелла “Валя”. Автор знакомит нас с героем-ребенком, которому в раннем возрасте пришлось принимать важнейшее решение в его жизни

вместо взрослых, которые переложили всю ответственность на его детские плечи – выбрать маму, с которой ему жить.

Мальчик представлен не по годам взрослым, “со своей обычной серьезной основательностью” [2, 163]. В новелле звучит мотив призрачности жизни, напоминающий рассказ “Ночью” В.Г. Короленко. В обоих произведениях лирический сюжет воссоздает богатое фантазий мировосприятие детей, которые интуитивно чувствуют присутствие в природе каких-то могущественных, влияющих на человеческую жизнь сил. Однако если у Короленко тайны мироздания приоткрываются детям в ситуации экс – то у Андреева ребенок соприкасается с ними в противоестественных обстоятельствах, когда он должен сделать выбор между “хорошей” тетей и “грешной” мамой.

Развитие сюжета имеет здесь два переломных момента. Первый – завершение суда в пользу приемных родителей – после нарастания тревоги и ужаса у Вали и читателей резко “снимает” ощущение приближающейся трагедии. Тем сильнее обрушивается она на героев и читателей после второго – противоположного – решения суда. Эмоционально-экспрессивное звучание новеллы благодаря такой жанровой композиции значительно усиливается. Однако, пожалуй, еще большей неожиданностью становится реакция ребенка на ужасную новость. У Вали нашлись душевные силы не только для того, чтобы уйти с “грешной” мамой, но и пожалеть несчастную женщину.

Такой традиционно-мелодраматический финал только на первый взгляд выглядит оптимистическим. Хотя для Андреева, как всегда, важно обнаружить в человеке запасы человечности, он не скрывает последствия разыгравшейся драмы. Совершенно очевидно, что с момента, когда Вася переступит порог жилища матери родной, для него начинается жизнь, полная лишений и трагизма, в которой царят силы, приоткрывающиеся ему во время кошмаров. Эта новелла по воплощенному в ней мироощущению гораздо ближе малой «детской» прозе декадента-символиста Ф. Сологуба (“Червяк”, “Задор”), чем Короленко или Чехова.

Главная мысль новеллы – ребенок оказался самым сильным человеком во всей этой страшной для детской души истории.

Новелла “Валя”, как и другие рассказы Л. Андреева о детях, показывает нам чистоту человеческой души, ее восприимчивость к добру, любви, жалости и состраданию, составляющих настоящую правду жизни, несмотря на несправедливость, которая является людям на видимом уровне жизни. И чаще всего именно дети показывают взрослым пример прорыва в светлую, настоящую жизнь. Дети помогают увидеть в произведениях Андреева тот свет, который воспринимается не столько человеческим глазом, сколько душой, наполненной любовью.

Совершенно иначе представлена детская тема в творчестве А.И. Куприна. Дети – главные герои его святочных рассказов “Тапер” и “Бедный принц”. Именно с ними происходят “в морозную рождественскую ночь” чудесные приключения, приводящие к счастливой развязке. Так,

маленький «реалистик» и прекрасный пианист Юра Азагаров («Тапер») случайно оказался тапером на елке, которую посетил Антон Рубинштейн. И ему совсем случайно выпал такой подарок: великий пианист, заинтересовавшись игрой мальчика, принял участие в его судьбе.

В «Бедном принце» богатый и избалованный Даня Иевлев убегает из дома, чтобы с «дурными детьми» колядовать в рождественскую ночь. «Ночное бродяжничество» неожиданно раскрывает перед мальчиком всю прелесть рождественского праздника: «...Пел он, кажется, усерднее всех, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, опьяненный воздухом, движением... В эти блаженные, веселы, живые минуты он совершенно искренне забыл и о позднем времени, и о доме, и о мисс Дженерс, и обо всем не свете, кроме волшебной колядки и красной звезды» [4, 151].

Особенности этих рассказов позволяют утверждать, что А.И. Куприн, обращаясь к детской теме, учитывает развлекательную функцию массовой праздничной литературы, которая должна, прежде всего, создавать радостное настроение. Отсюда вытекает и сохранение в рассказах всех формальных компонентов жанра с акцентом на чуде и сглаживании социальных и нравственно-этических конфликтов.

Повесть В.Г. Короленко «Дети подземелья» является одним из лучших произведений о детской дружбе. Повесть показывает, как важны в дружбе взаимопонимание и помощь, как окрыляет забота и поддержка друзей в трудную минуту, как тяжело быть одиноким. Повесть внушает читателю мысль, что человек не может оставаться равнодушным, видя страдание окружающих. Гуманное, справедливое отношение к людям облагораживает личность, пробуждает светлые чувства, формирует настоящего человека, каким оказался мальчик Вася.

Довольно сложные взаимоотношения складывались у героя повести с отцом. Он всегда казался ему суровым человеком, незаслуженно был слишком строг к ребенку, вместо того, чтобы дать ему тепло, которого Васе так не хватало после смерти матери. Подробно описывается горькая судьба мальчика: Вася не возвращался домой, а «прокрадывался... как молодой волчонок»; он «тихо» ложился в постель, «тихо» играл с сестренкой; утром «прокладывал росистый след», «перелезал через забор» и уходил на целый день. Он чувствовал себя чужим, никому не нужным, брошенным и одиноким. Редкие встречи с отцом лишь углубляли возникшую между ними отчужденность.

Отец воспринимает ребенка как черствого и бездушного человека, который легко примирился с потерей и отдавал свое время беззаботным играм с такими же сорванцами, каким был он сам. И он отворачивался от сына «с досадой и болью». В то время как бедный мальчик с болью в душе вспоминает «нежные мамины руки, ее грустные глаза», он помнит, какой ласковой и любящей была его мама.

Важнейшим моментом в повести является знакомство Васи с детьми подземелья. Ему нравится задумчивость (серьезность не по годам) Валека, самостоятельность его. Нравится, как дети относятся друг к другу:

“Маруся, подойдя у Валеку, крепко ухватила за него, прижалась к нему. Валеку стоял, глядя рукой белокурую головку девочки” [3, 28].

Основой дружбы между детьми было взаимное стремление найти отклик на душевные переживания, почувствовать, что кто-то нуждается в тебе, ждет и радуется встрече. Для Валека и Маруси, несчастных, обиженных судьбой и обществом детей, дружба с Васей была большой радостью в жизни. Ему тоже не хватало дружеского внимания, душевной близости, настоящих друзей. Мудрость закаленного жизнью Валека помогла Васе узнать лучше собственного отца.

В.Г. Короленко изображает мудрых, взрослых не по годам детей, которых сделала такими жизнь и обстоятельства того времени. Дети лишены детства. Это делает их закаленными, серьезными, такими, как взрослые. В свои детские годы они задумываются не только о судьбах друг друга, но и о жизни, где царит несправедливость.

Изображение горькой, несчастливой жизни детей скрасила настоящая дружба. Честность, благородство, отзывчивость, понимание, сочувствие – те черты характера, которые характеризуют образы детей в произведениях В.Г. Короленко.

Все выше сказанное позволяет сделать выводы: тема детей и сами дети представлены в русской литературе “рубежа веков” разнообразно – от традиции положительного (веселого, радостного, чудесного) осмысления до онтологического представления о ребенке, трагического понимания его жизни и мировоззрения.

В произведениях о детях писатели “рубежа веков” представили чистоту человеческой души, ее восприимчивость к добру, любви, жалости и состраданию, составляющих настоящую правду жизни, несмотря на несправедливость, которая является людям на видимом уровне жизни. И чаще всего именно дети показывают взрослым пример прорыва в светлую, настоящую жизнь. Дети помогают увидеть свет, воспринимаемый не столько человеческим глазом, сколько душой, наполненной любовью.

Литература

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей: В 2-х т. Т. 2. – М.: Терра. – Книжный клуб; Республика, 1998. – 288 с.
2. Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1990. – 461 с.
3. Короленко В.Г. Дети подземелья: Повесть. – М.: Детская литература, 1978. – 64 с.
4. Куприн А.И. Собр. соч.: В 9-ти т. – М.: Худож. лит., 1964. – Т. 5. – 386 с.
5. Силантьева В.И. Художественное мышление переходного времени (литература и живопись): А.П. Чехов, И. Левитан, В. Серов, К. Коровин. – Одесса: Астропринт, 2000. – 352 с.
6. Чехов А.П. Повести и рассказы. – К.: Дніпро, 1985. – 400 с.
7. Чехов А.П. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. – М.: Наука, 1984. – Т. 4. – 544 с.

Анотація

У статті розглянуто особливості втілення теми дитини в творчості російських письменників кінця XIX – початку XX століття (А.П. Чехова, В.Г. Короленка, О.І. Купріна, Л.Н. Андрєєва). Визначено традиційні риси – позитивне (веселе, радісне, чудесне) – в осмисленні теми та образу дитини. Особлива увага приділена новаторству при вирішенні зазначеної проблеми – онтологічній уяві про дитину, трагічному розумінню її життя та світогляду. Основними прийомами творення таких образів є символізація, інтертекстуальність.

Ключові слова: традиція, новаторство, образ дитини, символ, інтертекстуальність.

Аннотация

В статье рассмотрены особенности воплощения темы ребенка в творчестве русских писателей конца XIX – начала XX столетия (А.П. Чехова, В.Г. Короленко, А.И. Куприна, Л.Н. Андреева). Определены традиционные черты – положительное (веселое, радостное, чудесное) – в осмыслении темы и образа ребенка. Особое внимание уделено новаторству в решении указанной проблемы – онтологическому представлению о ребенке, трагическому пониманию его жизни и мировоззрения. Основными приемами создания таких образов становится символизация, интертекстуальность.

Ключевые слова: традиция, новаторство, образ ребенка, символ, интертекстуальность.

Summary

The author of the article investigates the theme of child in the creative work of the Russian novelty of the end of the 19-th – the beginning of the 20-th centuries (A.P. Chekhov, V.G. Korolenko, A.I. Kuprin, L.N. Andreev). There are shown and analyzed the traditional – positive (joyful, glad, wonderful) and newly – the ontological viewing of child, the tragical understanding of his life and worldviewing – features in the description of the theme and the image of “child” in the fiction texts of the above mentioned writers. The basic devises of such images are becoming symbolization, intertextuality.

Key words: tradition, novelty, image of children, symbol, intertextuality.